

30 июня 2006 г.

Рок-музыкант и актер Петр Мамонов

«Я закинул на чердак Тарковского»

ВИКТОР МАТИЗЕН, «Новые Известия»

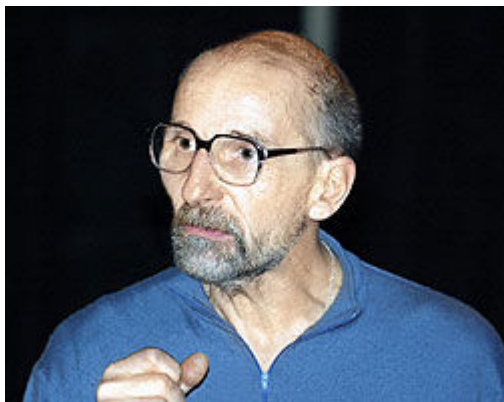

Фото: ВЛАДИМИР МАШАТИН

Отметив недавно на сцене свое 55-летие, сельский затворник Петр Николаевич МАМОНОВ снова замелькал в кинокадре. Один из самых народных, экзотичных, самобытных персонажей российской культуры стал главным героем минувшего сочинского фестиваля «Кинотавр». Поводом для приезда «русской народной галлюцинации» из своей родной деревни в гламурный Сочи послужил фильм Павла Лунгина «Остров». «Остров», как и каждый фильм с Мамоновым, стал событием, и тем более ярким, что все мамоновские роли обозначают перемены в его внутренней жизни. Об этом и зашел наш разговор.

– Говорят, что вы стали другим человеком. Почему?

- Когда мне стукнуло 45 лет, я совершенно потерял интерес к жизни. Вроде все есть – жена у меня любимая, дети прекрасные, родители хорошие, работа замечательная, свободное время, полная независимость, все меня любят и я их люблю. И вдруг уперся в то, что мне незачем стало жить. А у меня есть двоюродный брат – строитель. Как раз тогда он строил поселочек людям, которых уважал. Лёне Филатову и другим. И брат сказал мне: «Петь, возьми участочек». А я всю жизнь в городе – зачем мне участок? Он говорит: «Ты хоть приедь, посмотри». Я приехал, увидел эту неописуемую красоту, эти сосны, речечку и говорю: «Вот, я здесь и останусь».

Первые два года жил один, потому что условия были трудные. Жена и дети бывали наездами. И вот помню я один зимний вечер, темный, длинный, когда я вдруг осознал, что утратил. Без ложной скромности скажу, что человек я развитый и неглупый, поэтому пить из-за этого не стал. А стал думать, для чего вообще жить, для чего мне эти отпущенные 70 или сколько там лет жизни. А прапрадед мой был протоиереем собора Василия Блаженного. Дай, думаю, куплю молитвословчик – посмотрю, о чем они там молятся. Читал поначалу с ужасом и с неким удивлением. Даже стал отмечать молитвы, с которыми я согласен и с которыми не согласен. Уже не помню, почему – что-то мне казалось очень высокопарным или не подходило в тот момент моему сердцу. Потом это все прошло, и я понял: все, что мне надо, все там есть. Стал в храм ходить. Деревенские спрашивают: «Ты че, Петро, в церковь зачастил?», а я им: «Ты пивко любишь попить, с

мужиками в пивной целый день простоять?» – «Люблю» – «А я в церковь люблю ходить». Это было начало, а настоящая встреча с Богом произошла не так давно, года полтора назад. Я не мог выбраться из одного греха. Никак не мог. И вот утром на Сретение встал и вдруг почувствовал, что Господь залил мое сердце любовью и обезоружил меня. И все прошло. Исаак Сирийский говорил: «Бог наш – это любовь, это океан любви». И причина Боговоплощения и крестной смерти – только любовь к человечеству, а все остальное вторично.

– Контрольный вопрос: не верующих в него Бог тоже любит?

– Один священник сказал: «Богу неважно, что вы в Него не верите, главное, что Он в вас верит». Бог верит в человека, он надеется на нас. Мы ему нужны, потому что любовь – это чувство с обеих сторон. Ему нужна наша любовь. Вы, как я понимаю, атеист, я верующий, но при этом мы остаемся нормальными, уважающими, слушающими и пытающимися понять друг друга людьми. С одной стороны, никто никого за уши в церковь не тащит, с другой – никто ни от кого не требует отказаться от Бога.

– Я не знаю, есть ли Бог, и придерживаюсь двойственного принципа: «Мыслить следует в основном так, как будто Бога нет, а поступать так, как будто он есть». Мне кажется, что у России вообще довольно сложные отношения с Богом.

– Непростые. До 1917 года у нас была настолько богатая и сытая жизнь, что человек забыл Бога. Господь посмотрел на это и сказал: «Ах, я вам не нужен, получите Ленина и Сталина». А когда мы перестали им поклоняться, дал нам все блага. Я в провинции живу и совершенно не разделяю распространенного взгляда, что все плохо и все воруют. Народ заинтересован в работе, бросает пить. До 10 часов вечера трудятся на своей земле. Домики все покрыты, во дворе по два автомобиля. Я маме в Москву из наших магазинов вожу местные продукты – нарофоминские, обнинские. И молоко, и сметану, и колбасу – у нас все дешевле. Вот стада племенные из Голландии привезли. Как не радоваться? Или вот про молодежь всякое говорят, а встречаюсь с молодыми людьми и вижу, что им не нужна ни порнуха, ни уродская реклама. В прошлом году я снимался у Сергея Лобана в «Пыли». Ему 24 года, он сделал картину на свои деньги, ни у кого не просил – заработал, снимая хирургические операции. Так вот, это на поверхности пыль плавает, а в глубине – чистая вода. Это когда входит в троллейбус пьяный хам, то кажется, что ехать нельзя. А остальные сорок сидят и тихо едут. Вот мы с вами сидели в Сочи в фестивальной роскоши, а люди встали в 7 утра и пошли на работу. Я депутат от этих людей.

– В конце 80-х вы были рокером, и мне очень нравились «Звуки Му». У вас был собственный сценический образ – такого юродивого «протестанта». А недавно я посмотрел фильм Марины Любаковой, где вы и ваши коллеги отрекаетесь от своего прошлого, как будто занимались чем-то нечестивым и ужасным.

– Я к своему прошлому действительно плохо отношусь. Потому что вел тогда скотоподобный образ жизни. А музыка – это просто талант, который мне Бог дал. Все говорят: Пушкин, Пушкин... А покажите мне мать, которая хотела бы, чтобы ее сын прожил жизнь так, как прожил ее Пушкин. Гением своим, что от Бога, он хорошо распорядился. А вот жизнью...

– Вы полагаете, что образ жизни и творчество можно разделить? Я вот не уверен, что если бы Пушкин вел жизнь праведника, то остался бы в истории как великий поэт?

– Я вам маленькую притчу расскажу. Когда Господь наш въезжал в Иерусалим на ослице и все кричали: «Осанна» и кидали цветы под ноги ослице, она была в полной уверенности, что славят ее. Мой талант – это Господь на мне, осле, восседает. И все это прорывалось сквозь мое личное, похабное отношение к жизни, сквозь мою пьянку, сквозь мой задранный нос, сквозь самоощущение, что я король, что я гений, что я главный, что я все знаю, что я все понял. Вот какой я был человек и поэту свои старые песни просто ненавижу. Я никогда не создавал образов на сцене, это был искренний крик о том, что у меня в душе. Теперь я слушаю эти песни и вижу с ужасом, как я жил, о чем думал, о чем пел. Сплошная порнография, водка и так далее. Можно, конечно, сказать: «антигерой», «отрицательное обаяние»... Я – всего лишь приемник. Если

приемник «Грюндиг», то прием чище. Я должен чистить себя, чтобы чище воспринимать дары, которые Господь дает. Когда я был зашорен, то все, что шло через меня, волей-неволей зацепляло болотистую тину, которой я был переполнен. И хоть это было талантливо, это было страшно. Это не путь. Это было только разрушение. Отрицание той жизни. Может быть, в тот момент и надо было так действовать. Потому что жили мы страшно.

– Многие тоскуют по этой страшной жизни.

– Это понятно. В тюрьме по-своему здорово жить. Потому что тебя кормят, поят, поднимают, строят, гонят на работу – делай и ни о чем не думай. Отсюда весь этот вой о старом времени. А я всегда был бунтарски настроен и был против этого времени. Это был правильный вой, но загрязненный моей личной жизнью.

– Если бы он не имел отношения к вашей личной жизни, это бы так не действовало. И вы бы не стали тем Мамоновым, который вызывал у нас такой драйв.

– Никто не знает, что бы было с нами, если бы мы не пили столько водки, не меняли бы так женщин и не делали бы столько глупостей. Может, я пятьсот своих лучших произведений втоптал в пьянку...

– Если бы вы тогда обратились к Богу, то создали бы ансамбль духовных песнопений, от которого бы скулы сводило оскоминой...

– Митрополит Антоний пишет, что если верующий художник начинает сочинять произведения о своей вере, то, как правило, выходит фальшивка. Не надо ничего сочинять, надо положиться на свою художественную интуицию, и тогда чистота, достигнутая в вере, будет в твоих произведениях. Вот начало одного из моих последних стихотворений: «Сердце чистое-чистое / Высоко-высоко / Мысли быстрые-быстрые / И снега далеко». Это написал тот же человек, который пел: «Муха – источник заразы» и «Люля кебаб»? Я реально вижу, что во мне изменилось.

– Честно говоря, про мух мне нравится больше.

– Что кому нравится, это дело вкуса. Искусство – это не первый план нашей жизни. Первый план – это отношения между людьми. Любовь – не вздохи на скамейке, не прогулки при Луне и не восхищение друг другом. Это умение нести тяготы другого человека. Даже если он тебе неприятен, ты сделай ему хорошее, переступи через себя. Подними лежащего, не думай, что это пьянь валяется. Может, у него с сердцем плохо. И даже если пьян, подними, посади на бордюрок. У нас ошибочное мнение, что христианство – это хождение в церковь и молитвы. Как говорит мой любимый отец, Дмитрий Смирнов, некоторые из нас, ходящие по сорок лет в церковь и читающие все молитвы, очень удивятся, когда встанут перед райскими дверями и оттуда услышат голос: отойдите, не знаю вас. Христианство – это вымыть лишний раз посуду.

– В фильме Павла Лунгина «Остров», где вы играете не очень послушного послушника, мне очень понравилась церковно-славянская речь в вашем исполнении. Просто музыка.

– Да, это потрясающая вещь. В древнеславянском языке не было ни одного хулительного или ругательного слова. Не было в них потребности. Значит, не было хамства.

– Я где-то прочел, что вот-де Лунгин снимает молящегося человека, да еще крупным планом, а ведь это так же гадко, как подглядывать в бане...

– Это серьезный вопрос. Сейчас я отношусь к кино, как к чистому развлечению. Я закинул на чердак всех Бергманов и всех Тарковских, которые сами ничего не понимали и нас, зрителей, грузили своим непониманием. Я смотрю французское кино 50-х годов, гангстерские триллеры. Очень честные фильмы. Сюжеты такие увлекательные, что на два часа от всего отключаешься. Но все преступники, которых ты успел полюбить, в конце обязательно погибают. Зло наказывается. Так что эти фильмы странным образом несут

положительный заряд. Поэтому у меня большое сомнение относительно нашего фильма. В этом ли назначение кино? Мы ведь проповедуем, ненавязчиво, но все-таки проповедуем. Не дай Бог было сделать православную агитку. Мы просто попытались дать людям, которые с семи утра на работе, какие-то поручни и костылики, чтобы им было легче жить. А как показывать православие без молитвенного состояния?

– Вы не боитесь из артиста превратиться в проповедника?

– Я с вами делюсь своим сердечным опытом. Ко мне приходил один человек и говорил: «Я хочу познать Бога, откройте мне Бога». Я ему ответил: «Предположим, я бы мог это сделать, но готовы ли вы отказаться от той жизни, которой живете, и начать жить новую жизнь? Или вы мечтаете о Боге только как о добавочной награде?» Он был человек честный и сказал: «Да, я хотел бы, чтобы Бог вошел в мою жизнь, не нарушая того порядка, который я установил». А так не получится. Если мы его принимаем, то придется менять свою жизнь.

– Вы сказали, что христианство никому ничего не навязывает. А церковь? По-моему, она стала прибегать к устрашению. Вот была в Сахаровском центре выставка «Осторожно, религия!». Двусмысленное название, провокационные экспонаты. Такой, например: как бы икона с вырезом вместо лица, а напротив – фотоаппарат. Люди, которые называли себя православными, разгромили выставку, якобы по своей инициативе, а на деле – по наущению какого-то священника, и не понесли наказания. Вместо них суд оштрафовал одного из организаторов выставки.

[%6297%]– Экспонат, по-моему, кощунственный, но погром – не христианский акт. Зло на зло – не ответ. Зло побеждается только добром. Вообще, что такое зло? Тьма – это отсутствие света, зло – отсутствие добра. У него нет своей сущности. Попробуйте внести в комнату свечу и закрыть свет тьмой. Вы можете только погасить свечу. Меня возмущают и голые жопы на экране, и игровые автоматы в продовольственных магазинах. Но противостоять этому надо своей жизнью. А не разрушением этого.

– У дьявола тоже нет сущности?

– Что такое ангелы? Хрусталики, в которых нет никакой тьмы и которые играют всеми гранями, потому что в них преломляется свет. Ангелы, славя Бога, восходят день ото дня все ближе и ближе к нему. А что такое бесы? Это ангелы, которые остановились и тут же стали мутнеть. Так же и люди. Остановок на достигнутом не бывает. Если ты остановился на удобной ступенечке, твой лифт сразу поехал вниз. Гордость – самый страшный грех, от которого все идут остальные. Тщеславие, многоглаголение, чем я грешен очень сильно. Но празднословие празднословию рознь. Когда я говорю и общаюсь с журналистами, чтобы через них до людей дошли такие вещи, я правомочно болтлив. Как сказал один старец афонский, «лучше я с Богом поговорю о тебе, чем с тобой о Боге».

– Хорошая формулировка, хотя, видит Бог, вы со мной только о нем и говорите. Ваш герой в фильме несколько иной. Отчасти святой, отчасти юродивый, отчасти провокатор, отчасти бес. Чем и интересен. Так?

– Нет, немножко не так. Что такое подвиг юродивого? Самый высший подвиг в христианстве, когда человек обрекает себя на полное поношение, полный позор, чтобы, не дай Бог, кто-нибудь не увидел в нем святость. Вот Василий Блаженный бегал голым – зачем? Бесы в него вселились? Нет. Чтобы ему все говорили – ты самый мерзкий, ты самый грязный. По нашей вере это благо, это дает смирение. Бог гордым противится, а смиренным дает благодать. То, что вы называете провокациями, он совершает не со зла, а для вразумления, для того, чтобы люди очухались. Вот он перед приходом отца-эконома мажет дверную ручку дегтем, потому что тот загордился своим положением, или поджигает матрас настоятеля, чтобы вывести его из состояния полной благодости, которую так блестяще сыграл Виктор Иванович Сухоруков.

– На взгляд атеиста, вы в своем нынешнем состоянии тоже производите благодостное

впечатление...

– Это вам кажется. Я нахожусь в состоянии постоянного удивления перед Господом, который меня все терпит, и все дает, и ждет от меня, и ждет, и потихоньку мое сердце открывается и открывается. Знаете, как раньше описывали зарождение жемчуга? Это когда устрица открывается и на нее падает лучик света. Максимум, чего я пока достиг, – что иногда я чувствую себя такой вот устрицей. А будет ли жемчуг – Бог весть...

СПРАВКА

Петр МАМОНОВ родился 14 апреля 1951 года в Подмосковье. В 1979 году окончил Московский полиграфический техникум. В 1979–1982 годах учился на редакторском факультете Московского полиграфического института. Работал печатником в типографии «Красный пролетарий». В 1984–1990 годах – руководитель и вокалист группы «Звуки Му». В 1991–1995 годах работает над проектом «Мамонов и Алексей». Сотрудничает с Театром имени Станиславского. Театральные работы: «Лысый брюнет» (1991), «Полковнику никто не пишет» (1995), «Есть ли жизнь на Марсе?» (1997, моноспектакль). В кино дебютировал в 1986 году в короткометражном фильме «Хау ду ю ду». Сыграл в фильмах «Игла» (1988), «Такси-блюз» (1990), «Anna Karamazoff» и «Нога» (1991), «Терра инкогнита» и «Время печали еще не пришло» (1995).

© 2003, «ЗАО «Газета Новые Известия»